

Примечания

- 1 Гоголь Н. Ночь перед Рождеством // Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 23 т. Т. 1. М., 2003. С. 150. В дальнейшем все ссылки на художественные произведения Гоголя приводятся в тексте по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- 2 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 562.
- 3 Там же. Т. 1. С. 349.
- 4 Кукольник Н. Ф. О. Зингер // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. СПб., 1882. С. 262.
- 5 Николай М. (Кулиш П.) Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем : в 2 т. Т. 1. СПб., 1856. С. 21.
- 6 Шенрок В. Материалы для биографии Н. В. Гоголя : в 4 т. Т. 1. М., 1892. С. 38.
- 7 Пащенко Т. Черты из жизни Гоголя // Гоголь в воспоминаниях современников / под общ. ред. Н. Л. Бродского [и др.]. М., 1952. С. 42.
- 8 Сребницкий И. Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // Гоголевский сборник, изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией. Киев, 1902. С. 353.
- 9 Степанов Н. Гоголь. М., 1961. С. 34.
- 10 Сребницкий И. Указ. соч. С. 307.
- 11 Цит. по: Виноградов И. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников : в 3 т. Т. 1. М., 2011. С. 597.
- 12 Хлытенко Г. Баллада А. Мицкевича «Пани Твардовская» в поэтической интерпретации П. Гулака-Артемовского // Вестн. Кыргыз.-Рос. славян. ун-та. 2008. Т. 8, № 1. С. 116. URL: <http://www.lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/1995.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).
- 13 Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы. М., 1968. С. 701.
- 14 Оболенская С. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С. 28.
- 15 Сомов О. Кикимора // Северные цветы на 1830 год. СПб., 1829. С. 197.
- 16 Манн Ю. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 24.
- 17 Там же. С. 73.
- 18 Звиняцковский В. Поэтическое призвание гимназиста Гоголя (о значении личности и творчества И. В. Гёте в Нежинский период) // Гоголезнавчі студії = Гоголеведческие студии. Вып. 18. Ніжин, 2009. С. 54.
- 19 См.: Виноградов И. Гоголь – художник и мыслитель : Христианские основы мирозерцания. М., 2000. С. 17.
- 20 Гоголь Н. Письмо Гоголь М. И. 1 (13) августа 1829 г. Любек // Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 10. М. ; Л., 1940. С. 153.
- 21 Филлюшкина С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) // Логос. 2005. № 4 (49). С. 142. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/49/06.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).
- 22 Виноградов И. Указ. соч. С. 62.
- 23 Жуковский В. Людмила // Жуковский В. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 3. М., 2008. С. 15.
- 24 Шамбинаго С. Трилогия романтизма (Н. В. Гоголь). М., 1911. С. 13.
- 25 См.: Данилевский Р. Людвиг Тик и русский романтизм // Эпоха романтизма : Из истории международных связей русской литературы / отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1975. С. 68–113.
- 26 См.: Манн Ю. Указ. соч. С. 49.
- 27 Дмитриева Е. Гоголь в западно-европейском контексте : между языками и культурами. М., 2011. С. 95.

УДК 821.161.1.09-31+929Гоголь

МОТИВЫ МОЛВЫ В «МИРГОРОДЕ» ГОГОЛЯ: МЕЖДУ ПРИВЫЧНЫМ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ

Л. А. Ефремычева

Саратовский государственный университет
E-mail: larisa_efr@mail.ru

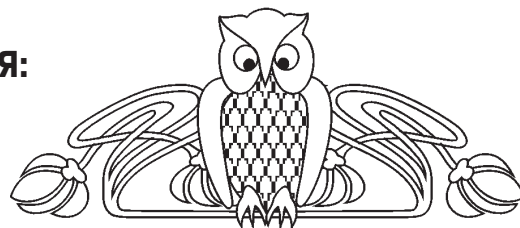
Исследуются художественные функции мотивов молвы и славы в сюжете «Старосветских помещиков», «Вия» и «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя. Рассматриваются их роль в сюжете и хронотопе произведений, значение в пространстве смысла повестей, связь с мотивами чрезвычайного происшествя и раскрытой тайны.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, мотив, молва, слава, «Миргород», воображение.

Hearsay Motive In N. V. Gogol's «Mirgorod»: Between the Usual and the Oustanding

L. A. Yefremycheva

Stylistic function of the motives of hearsay and fame are studied in the plots of «Old-World Landowners», «Viy», and «The Tale of How Ivan

Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich» by N. V. Gogol. Their role in the plot and the chronotopos of the works is considered, as well as their meaning in the space of the stories, their linkages with the motives of emergency and disclosed mystery are regarded.

Key words: N. V. Gogol, motive, hearsay, fame, «Mirgorod», imagination.

Продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» стали повести, объединенные в цикл «Миргород». На смену хуторским вечерницам, ярмарочному и свадебному шуму приходят городские пересуды, повседневные обсуждения новостей. Большинство эпизодов, связанных с мотивами молвы, разворачивается в замкнутом локусе:

будь то домик Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны из «Старосветских помещиков», жилище городничего из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», или кухня в доме сотника из «Вия». Перешёптывания о мистическом, создающие атмосферу нарастающей таинственности в «Вечерах...», сменяются попутными замечаниями, брошенными фразами, помогающими завязать разговор, или коллективными речевыми реакциями.

Толки, циркулирующие в Миргороде, – это ещё не петербургские сенсации, в своей абсурдности не уступающие самым смелым фантазиям. Однако уже с украинских повестей Гоголь разрабатывает мотивы молвы, акцентируя способность «летучих вестей» вызывать суматоху. «Чрезвычайное происшествие» – сквозная сюжетная схема, которая занимает важное место в пространстве смысла всего творчества писателя и во многом определяет внутритекстовую активность персонажей.

Обстановка настроенного беспокойства поддерживается благодаря информационным потокам. «Это чрезвычайное происшествие произвело страшную суматоху, потому что даже копия не была еще списана с нее. Судья, т. е. его секретарь и подсудок, долго трактовали об таком неслыханном обстоятельстве»¹. Ситуация любопытствующего ожидания и удивления обеспечивает высокий информационный накал, оставляя героев в напряжении.

В непредсказуемом, замысловатом переплетении фантастики и реальности, в попытке не то чтобы разобраться, но просто узнать о произошедшем, прислушиваются к «ходячей истине». К коллективной мудрости обращаются герои обоих украинских циклов.

Молва как показатель развития

Некоторые герои «Миргорода» становятся воплощением народной молвы. Автор влетает в сюжет рассказы уже на композиционном уровне. Заглавие «Старосветские помещики» представляет главных персонажей с точки зрения общепринятой характеристики – именно так в Малороссии называют «уединенных владельцев отдаленных деревень» (II, 13). Вий – «колоссальное создание простонародного воображения» (II, 175). Благодаря авторской атрибуции можно говорить о том, что молва ложится в основу сюжета, поэтому постигать его необходимо, делая поправку на относительность коллективного мировосприятия. Вторая «установка» в «Вие», предвещающая читателя и направляющая его ожидания, акцентирует особенность пересказанного сюжета: «Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал» (II, 175).

Многие исследователи изучали фольклорные корни «Вия». Признание автора-рассказчика хоть

и не ставит под сомнение оригинальную интерпретацию народных образов, но вносит в неё отсылки к молве. По мнению Карлы Соливетти, «<...> Гоголь строит повесть, следуя народному преданию <...>»². И в это же время, но уже в плоскости художественного текста, идёт строительство другого плана: тоже словесное, тоже конструирующее и смыслообразующее, однако имеющее онтологический характер. Речь идет о борьбе двух сил, которая ведется с помощью речевых средств.

По представлению О. Б. Заславского, слово «личностное»³ уступает в силе «надличностному», пусть и даёт надежду на победу над Злом. Считая первый тип речения «недостаточно осмысленным»⁴, исследователь подчёркивает свойство молвы как предмета прагматики: передатчик информации с лёгкостью и с верой в сказанное-додуманное торопится поделиться ею или воспользоваться своим «знанием». Слово «канонизированное и догматичное» преодолевает субъективные ограничения, переходя в категорию «надличностного»: «Коль скоро “Вий – есть колоссальное создание простонародного воображения”, то в контексте повести это может быть понято как порождение Зла мыслью и словом самого народа»⁵. Демиургическое начало ведет к естественному продолжению борьбы сил земных и фантастических. Подобное движение смыслов составляет эволюцию созданного автором мира. Безусловно, это сказывается и на образе главного героя. Молва в данном случае играет не последнюю роль.

Образ Хомы Брута в «Вие» лишён статики. Причем физическая смерть не помеха внутритекстовому бессмертию персонажа, его «жизни» в качестве объекта воспоминаний. Необходимость дописать финал повести, вызванная типографскими погрешностями, помогла автору продлить эволюцию героя, прибегая к мотиву молвы. Об участии Хомы Брута в Киеве узнают по дошедшим слухам. Богослов Халыва и философ Горобец услышали историю независимо друг от друга, но при встрече начинают разговор именно с этого происшествия.

По словам И. А. Есаулова, эволюция Хомы является «ключом к пониманию типа художественного завершения в “Вие”»⁶. Финальный эпизод помогает расширить пространство смысла повести, добавив план коллективной памяти. Слово предупреждающее (молва вокруг панночки) и Слово противоборствующее (догматичное) сменяются Словом отзывающимся и оценивающим (обсуждение Горобца и Халывы).

Известие о смерти Пульхерии Ивановны даёт жизнь толкам, которые, как бы парадоксально ни звучало, «оживляют» локус уединённого дома. «Множество народа всякого звания наполнило двор <...>, гости говорили, плакали, глядели на покойницу, рассуждали о ее качествах, смотрели на него; но он сам на всё это глядел странно»

(II, 32). Торопливое перечисление меняет темп повествования, противопоставляя шум и суету семейному укладу Товстогубов. «Старосветские помещики» – одна из немногих повестей, в которых молва кажется чужеродным элементом и приводит к острашению привычного. *Всякие звания и всякие пересуды вмешались в пространство ясного, отчётливого.*

В суету переходит череда действий и контрдействий поссорившихся Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Торопливые старания каждого предугадать козни обидчика и сохранить свою репутацию превращаются в театральное представление, за которым следит весь город. «“Деяние” у героев повести приобретает характер мелочной и злобной суеты, ничтожной борьбы»⁷, – отмечает М. Б. Храпченко.

Уместно провести параллель между активностью двух Иванов и стремительной реакцией жителей, подхвативших небывалую весть. По словам М. Б. Храпченко, «между рассказом о ссоре и описанием города есть внутренняя связь, выявляющаяся не только в развитии сюжета, но и в общем тоне освещения уклада жизни»⁸. И если в «Старосветских помещиках» семейный порядок создает вокруг себя благоприятный безмолвный вакуум, то в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» дискомфортным становится как раз отсутствие известий. Жадное до толков городское сообщество, пойманное «на крючок» незаурядного события, действует в едином порыве. Гости, собравшиеся по «чрезвычайно важному случаю» (II, 264), на ассамблею к городничему, переключают внимание на «чрезвычайно важное обсуждение».

Повествователю достаточно одной фразы, чтобы обрисовать ситуацию стремительного оповещения и придать истории характер общеизвестности. Отсутствие барьеров, которое чаще всего сопутствует разносимой молве, подтверждает наблюдение Е. В. Осетровой: «...в технологии распространения слухов успешно используется свойство их коммуникативной универсальности: они привычно курсируют в разных сферах и по всем коммуникативным каналам»⁹.

В случае с исчезновением документа в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» даже попытка утаить происшествие иронически оборачивается самообманом по отношению к самой возможности не проговориться. «Сколько ни старались в суде скрыть дело, но на другой же день весь Миргород узнал, что свинья Ивана Ивановича утащила пресьбу Ивана Никифоровича. Сам городничий, первый позабывшись, проговорился» (II, 261). Мотив раскрытой тайны, который станет одним из ведущих в сюжете комедии «Ревизор», в пространстве смысла повести обладает действием катализатора. Иронично подчеркнута связь между неизвестностью и быстротой распространения вестей. Затрагивается и пространственная вели-

чина: даже незаинтересованные в получении информации включены в единое коммуникационное поле. Расстояние между вовлеченными в событие лицами и случайными адресатами сокращается: «...будучи втайне содержимо и уже от сторонних людей до слуха дошедшись» (II, 262).

Череда поступков и, как следствие, вестей оживляет информационную среду сообщества. Стоит делу перейти на рассмотрение в палату – и ожидание официального «приговора» оборачивается новостным вакуумом. Пока известия Иванам не приходят, они и сами не дают о себе знать.

Настрой на диалогический характер общения помогает молве разрядить обстановку и перевести на время внимание с основного предмета разговора. Именно к толкам обращается герой «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», чтобы снизить коммуникативное напряжение и снять неловкую паузу: «„Говорят“, начал Иван Иванович: „что три короля объявили войну царю нашему“» (II, 235). Выступая медиатором в неформальной коммуникации, слухи становятся своеобразным речевым фатическим буфером, инструментом поиска согласия или просто нейтрализации негативной реакции. В то же время информационные поводы глобального масштаба – типовой элемент бытового общения.

Е. В. Осетрова, суммируя результаты исследований по проблемам молвы, приходит, в частности, к выводу об «огромном влиянии слухов на обыденную жизнь традиционного общества, когда они являлись “едва ли не ведущим видом коммуникации” и “важнейшим источником информации” для безграмотной массы крестьян о внешней и внутренней политике государства, смене монархов, заговорах, переворотах – т. е. о современной жизни страны и окружающем мире»¹⁰.

Молва как бесконечное поле смыслов: додуманное и дорисованное воображением

В художественном мире Гоголя уживаются как «серьезные» разговоры о «повестке дня», так и невообразимые пересуды. Нелепость выдумки при всей своей очевидности принимается на веру персонажами. «Иван Никифорович никогда не был женат. Хотя проговаривали, что он женился, но это совершенная ложь. <...> Откуда выходят все эти сплетни? так как пронесли было, что Иван Никифорович родился с хвостом назад. Но эта выдумка так нелепа и вместе гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужным опровергать пред просвещенными читателями, которым без всякого сомнения известно, что у одних только ведьм, и то у весьма немногих, есть назад хвост, которые впрочем принадлежат более к женскому полу, нежели к мужскому» (II, 226). Система оговорок и «поперечивающих себе» (II, 206) дополнений раскрывают «кажимость» серьезного тона пове-

ствования, обнаруживая его фарсовый характер и лукавство рассказчика.

Балансирование на грани очевидного правдоподобия и комической нелепицы составляет особенность творческой манеры Гоголя. Неясные пересуды борются с авторизованным знанием, которое, того и гляди, обернется новой несообразностью. Неравновесное положение адресанта лучше всего объясняет сам Гоголь в своем письме П. П. Косяровскому от 3 октября 1827 года: «...но по пословице Романа Иван<овича>: не всякому слуху верь, я стою над нею в раздумьи, верить или не верить» (X, 113). Такое сомнение можно рассматривать как особого рода «превращение» – категорию, которая характеризует и жизнь, и творчество писателя.

Пластичный и изменчивый мир Гоголя соприроден непостоянной молве. В повести «Вий» инвариантом превращений выступает воображение. Оно не только участвует в рождении и циркуляции молвы, но и помогает перевести информацию из области коллективного знания в область индивидуального. Воображение, как способ моделирования события или действия, торопится восполнить недостающие детали, становясь важным инструментом в сюжетообразовании толков. Оно же дорисовывает образы в соответствии с личными или коллективными представлениями, создает «дополненную реальность».

Молва разжигает фантазию Хомы и усиливает его внимание к предмету беспокойства или интереса: «Рассказы и странные истории, слышанные им, помогали еще более действовать его воображению» (II, 205). Сотканное из толков «предзнание» определяет восприятие героя. Воображение коллективное рождает образ Вия – воображение Брута нагоняет страх, трансформируя пространство вокруг церкви и предвещая эмоциональное состояние философа.

В повести «Ночь перед Рождеством» из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» рассказчик выразил универсальный принцип, который характерен для всей системы художественных образов Гоголя и в целом для мироощущения писателя. Наблюдение повествователя объясняет природу тех удивительных, разноликих трансформаций, которые преследуют персонажей, просачиваются в хронотоп произведений, изменяют интонации автора: «Чудно устроено на нашем свете! Все, что ни живет в нем, все силится перенимать и *перездразнивать* один другого» (I, 204) (курсив наш. – Л. Е.). В повести «Вий» такая мимикрия или даже насмешничество обнаруживается в симбиозе вещественного и нематериального, постигаемого органами чувств и им неподвластного, додуманного и недвусмысленного. На пути к церкви перед Хомой вырастают фантастические «декорации»: игра его воображения смешивается с реальными пейзажами. Вспоминая о том, что «увиденные» Брутом образы сложены в том числе и из молвы, можно подытожить: порождения толков «пере-

дразнивают» тех, кто берет их на веру, причудливо смешивая миражное и осязаемое.

Амбивалентность Хомы проявляется среди прочего и в его любопытстве, которое сам рассказчик ставит в ряд с невыразимым противоречивым чувством: «Он отворотился и хотел отойти; но по странному любопытству, по странному попереживающему себе чувству¹¹, не оставляющему человека, особенно во время страха, он не утерпел, уходя, не взглянуть на нее и потом, ощутивши тот же трепет, взглянул еще раз» (II, 206). «Тяга ко всему пугающему, неосознанная тяга к познанию»¹² – один из тех внутренних факторов, которые могут усилить жажду информации, активизируя при этом молву.

Молва как элемент повседневности

Пересуды – часть повседневной жизни героев «Миргорода». Разнородные темы всплывают спонтанно, смешивая бытовое и фантастическое, значимое и несущественное. Неудивительно, что речевая характеристика Агафьи Федосеевны дается вперемешку с портретной, не просто дополняя, но и определяя последнюю: «Она сплетничала, и ела вареные бураки по утрам, и отлично хорошо ругалась – и при всех этих разнообразных занятиях лицо ее ни на минуту не изменяло своего выражения, что обыкновенно могут показывать одни только женщины» (II, 241).

Привычная для украинских повестей связь между трапезой или употреблением алкоголя и бойкой беседой получает своё продолжение в повести «Вий». Во время ужина у сотника «болтовня овладевала самыми неговорливыми языками» (II, 200). Стоит собравшимся утолить голод, как завязываются разговоры. Выпитое тоже изменяет речевое поведение персонажей: провоцирует словоохотливых на пересуды.

Кухня становится инвариантом шинка из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», собирающего всех, кто проходит мимо. Она занимает промежуточное положение между хуторским собранием и городской ассамблеей благодаря сравнению повествователя: «...что-то, похожее на клуб, куда стекалось всё, что ни обитало во дворе» (II, 200). Разнородное по составу сообщество формирует такое же многозначное, полифоническое речевое поле. «Тут обыкновенно говорилось обо всем, и о том, кто пошил себе новые шаровары, и что находится внутри земли, и кто видел волка. Тут было множество бонмотистов, в которых между малороссиянами нет недостатка» (II, 200). Многих персонажей украинских повестей Гоголь наделяет характером, подчёркивающим их склонность к распространению или поддержанию рассказней. Любопытствующие, веселые балагуры, бонмотисты – озорство, присущее собирательному образу украинцев, приводит к частому обращению писателя к мотивам молвы.

«Утощать беседой» (X, 180) друг друга торопятся и участники ассамблеи, собранной городничим из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Многоязыкий, заполняющий пространство шум, сложенный из пересудов, создает атмосферу невнятной разногласия. В общий поток сливаются даже толки о том, о чем повествователь не может сказать «наверно» (II, 265).

Полновластное «разговорилось всё» (II, 265)¹³, возводящее в абсолют привлекательность полилога «всего» и «всех» со «всем» и «всеми», поддерживает целостность гоголевского мира¹⁴. Однако устанавливается такое единство на фоне небывалого для Миргорода разлада. Разрыв целостности даёт о себе знать, трансформируя «разговорилось всё» в «прислушалось всё». Реплика кривого Ивана Ивановича, обнаружившего отсутствие Довгочуна, другими словами, обозначившего нарушенный миропорядок, выводит повествование из шумовой невразумительности. Его слова заглушают остальные толки и переводят их в сторону темы, способной обратить на себя всеобщее внимание. «Дамы, которые до того времени были заняты довольно интересным разговором о том, каким образом делаются каплуны, вдруг прервали разговор» (II, 271). Единодушие выражается не только в массовом интересе, но и в реакции. «Все» приняли предложение отправить кого-то к Ивану Никифоровичу, «все» – пусть и после долгих споров – выбрали кандидатуру посредника.

Молва как источник или предвестник открытия

Среди обыденных, непримечательных пересудов нет-нет и мелькнёт что-то будоражащее персонажей, вносящее новые повороты в развитие сюжета. Молве в повестях Гоголя может сопутствовать состояние открытия. Именно его Ю. В. Манн назвал «ключом к гоголевским произведениям»¹⁵. «Тут важно, в частности, само понятие “открытия” – на самом деле ложного открытия, – превратно меняющего направление действия»¹⁶, – уточняет исследователь. Состояние неустойчивого мира передано, в частности, нечеткими возгласами-окриками молвы.

Именно всеобщие толки рождают неожиданное предложение того, как помирить Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Сама ссора двух дворян становится в повести главным источником открытия, которое сопутствует вести, разносимой по городу. «“Что вы говорите!” При этом кривой Иван Иванович поднял глаза вверх и сложил руки вместе. “Что ж теперь, если уже люди с добрыми глазами не живут в мире, где же жить мне в ладу с кривым моим оком!”» (II, 265), – восклицает герой, оказавшийся в центре единого организма под именем «все». «Все» не только сиюминутно реагируют и заполняют пространство – говорят, смеются во весь рот, – но и формируют образ

персонажа. «Все очень любили кривого Ивана Ивановича за то, что он отпускал шутки совершенно во вкусе нынешнем <...>» (II, 265). В этой сцене проявляется динамичное, неустойчивое состояние, которое точно охарактеризует сам Гоголь в оставленных в записной книге набросках к комедии: «Внезапное или неожиданное открытие, дающее вдруг всему делу новый оборот или озарившее его новым светом» (IX, 18).

Участники ассамблеи застигнуты в момент напряженного, участливого ожидания. Готовность совершить открытие, его любопытствующее и торопливое приближение выступает тем звеном, которое сохраняет цельность этого сообщества. «Между тем собрание с нетерпением ожидало решительной минуты, когда явится Иван Никифорович и исполнится наконец всеобщее желание, чтобы сии достойные люди примирились между собою; многие были почти уверены, что не придет Иван Никифорович» (II, 270). Коллективное воображение заранее строит домыслы и настраивается на результат. Несмотря на то, что веру в появление Ивана Никифоровича разделяли далеко не все, стоило посреднику принести «не ту» весть, как разгораются пересуды. «Антон Прокофьевич на все вопросы закричал одним решительным словом: не будет; едва только он это произнес, и уже град выговоров, браней, а может-быть и щелчков, готовился посыпаться на его голову за неудачу посольства, как вдруг дверь отворилась и – вошел Иван Никифорович» (II, 270). Другими словами, молва обладает опережающим события свойством, превращаясь в темпоральную категорию. Сцена собрания меняет хронотоп повести: ускорение художественного времени сопряжено с расширением пространства, в которое включается дом Ивана Никифоровича.

Доносящаяся до рассказчика весть о ссоре вызывает в нём нескрываемое ошеломление: «как громом поразило» (II, 239). И следом – защитная реакция от удивляющего и вместе с тем пугающего умозаключения. Эмоциональный отклик выражается в подозрительном отношении к новости и нежелании ей верить. Сознательное отрицание доносящегося слуха в свою очередь рождает открытие, переданное риторическим вопросом: «Что-ж теперь прочно на этом свете?» (II, 239).

В повестях цикла «Миргород» молва проявляется в нескольких ипостасях: как компонент повседневнообщения; как коммуникационное звено, подчеркивающее принадлежность к определенной группе; как источник открытия и предвестник суеты; как причина превращения; а также как элемент речевой и портретной характеристики персонажей. С точки зрения сюжета мотив толков несет анонсирующее значение: предопределяет стилевые особенности повествования и вносит в него дополнительный смысловой компонент.

Точное, характеризующее свойство молвы, обозначенное в «Вие», – «простота» – определяет манеру рассказчика. И она же подчеркивает лёгкость, с которой разговоры и пересуды рождаются. Персонажи простодушно пускаются обсуждать и оценивать. Данное самим собой и самому себе право на пересуды – вот тот речевой императив, который заменяет робкое ограничение «не наше дело» (II, 201).

Всеохватный мир украинских повестей, в котором «все» и «всё» может обратиться в «никто», сохраняет целостность и связи внутри сообщества благодаря фрагментарной по своей сути молве. Пересуды рождаются как «по случаю», т. е. дробятся на актуальные вести, так и «ненароком», составляя часть закономерного хода повседневной жизни.

Способность слухов «создавать и организовывать людей в общественную группу» может иметь обратный эффект. Если «открытие» сопряжено не с наблюдением, а с необходимостью действовать, то оно перерастает в суматоху. Из-за прогрессирующего числа персонажей, вовлечённых в неформальную коммуникацию, характерная для толков проворность может обернуться суетой.

Молва способна и поддерживать целостность миргородского сообщества, и вносить в нее разрывы. Подобный характер толков открывает дополнительные возможности для усиления художественной выразительности. Сцены, которые разворачиваются вокруг пересудов, включают в себе динамику неожиданного развития, непредвиденной развязки.

Прерванная от удивления, привлекающая внимание каждого, кого застигла врасплох, молва выстраивает «немые сцены»: «Всё стихло! Это была картина, достойная кисти великого художника!» (II, 271). Услужливые толки, вызванные ссорой Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, провоцируют персонажей, главных, эпизодических, а также сливающихся в собирательный образ «города», на суетливое поведение. Художественный стиль повести – торопливое повествование, насыщенное меняющимися деталями и новыми ситуациями – как нельзя лучше передаёт настроение миргородской жизни в момент «чрезвычайного происшествия». Этот микросюжет получит свое развитие в комедии «Ревизор». Драматическая форма усилит динамичность сцен, а мотивы молвы станут направлять действие, превращая «чрезвычайное происшествие» в «чрезвычайную подмену». Другой микросюжет – «ходячие вести», составляющие «повестку дня» и дающие информационную пищу для пересудов, – в полной мере

воплотится в «Петербургских повестях». В этом цикле молва поможет Гоголю живописать гиперболическое и гротескное пространство столицы.

Примечания

- ¹ Гоголь Н. Вечера на хуторе близ Диканьки // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 2. М., 1937. С. 255. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием в скобках тома римскими и страниц арабскими цифрами.
- ² Соливетти К. Возрождение Хомы и кривизна мира // Гоголь как явление мировой литературы : материалы конф., посвящ. 150-летию со дня смерти Н. В. Гоголя. М., 2003. С. 129.
- ³ Заславский О. Проблема слова в повести Н. В. Гоголя «Вий» // Wiener Slawistischer Almanach. Band 39. München, 1997. С. 18 // Bayerische Staatsbibliothek. URL : <http://periodika.digitale-sammlungen.de/wsa/start.html> (дата обращения: 25.06.2014).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Цит. по: Соливетти К. Указ. соч. С. 129.
- ⁷ Храпченко М. Николай Гоголь : Литературный путь. Величие писателя. М., 1993. С. 142.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Осетрова Е. Слухи в современной социокультурной среде : историографический обзор // Антропологический форум. СПб., 2011. № 15. С. 73 // Антропологический Форум : [сайт]. URL : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/osetrova.pdf> (дата обращения: 25.06.2014).
- ¹⁰ Там же. С. 60.
- ¹¹ По мнению И. А. Есаулова, это чувство отражает раздробленность сознания Хомы Брута (См.: Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя). М., 1995).
- ¹² Соливетти К. Указ. соч. С. 132.
- ¹³ В этом ряду органично зазвучали бы и рецепты засолки яблок, о которых «разговорились все» в предисловии ко второй части цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки». Рассказчик иронически подчеркивает важность предмета беседы, способного занять каждого из собравшихся. При этом несерьёзные на первый взгляд поводы приводят к несоразмерным с ними последствиям (например разладу между собеседниками).
- ¹⁴ См.: Ицук-Фадеева Н. «Все» / «всё» у Н. В. Гоголя («Старосветские помещики») // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Филология. 2007. № 10. С. 13–22.
- ¹⁵ Манн Ю. Заметки о «неевклидовой геометрии» Гоголя, или «Сильные кризисы, чувствуемые целую массой» // Вопр. литературы. 2002. № 4. С. 181.
- ¹⁶ Там же.